

II

Статьи и публикации

В. С. Аксёнов

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ КРЕМАЦИОННОГО ОБРЯДА САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ ПОДОНЦОВЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

*Посвящается памяти
В. К. Михеева (1937–2008)
в связи с его 80-летием*

В геополитическом отношении бассейн верхнего течения Северского Донца представлял собой отдельный самостоятельный регион Северо-Западной части Хазарского каганата [Афанасьев, 1993, с. 6; Тортика, 2006, с. 8–9], в юго-западном «экстерриториальном районе» которого концентрируются все известные на сегодняшний день салтовские кремационные могильники (Новая Покровка, Пятницкое, Лысый Горб, Сухая Гомольша, Красная Горка) и отдельные поминальные комплексы (Кочеток, Тополи) [Афанасьев, 1987, с. 153, рис. 86; Кухаренко, 1952, с. 33–50; Дегтярь, 1984, с. 239–243; Кухаренко, 1951, с. 99–108; Шрамко, 1983, с. 48–50; Аксёнов, Воловик, 1999, с. 34–40; Аксёнов, Михеев, 2006]. Долгое время основным исследователем салтовских кремаций в регионе был В. К. Михеев [Михеев, 1986; Михеев, 1990], что позволило ведущему салтововеду С. А. Плетнёвой отметить: «...В. К. Михеев обнаружил новый этнос, ранее нам неизвестный или “неосознанный”, который необходимо вписать в сложившуюся и казавшуюся вполне завершенной картину жизни Северо-Западной Хазарии» [Плетнёва, 1990, с. 83].

Наиболее полно изученным и опубликованным памятником является могильник у с. Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006, с. 8–71]. «Черными археологами» в окрестностях Сухой Гомольши было обнаружено еще несколько кремационных могильников, а отдельные найденные ими комплексы стали известны специалистам [Аксёнов, 2005, с. 357–368; Колода, 2012, с. 30–36]. На сегодня, благодаря усилиям сотрудников Слобожанской археологической службы, в окрестностях Сухогомольшанского городища обнаружено два ранее не известных кремационных некрополя («Балка Сухая Гомольша» и «Яр Плоский») [Голубева, 2014, с. 7–10, рис. 1. 1. 1: 1, 2, 3; Голубев, 2017]. А всего в 5 км к востоку от Сухогомольшанского городища около с. Нижний Бишкин обнаружен еще один новый могильник по обряду кремации [Окатенко, 2016, с. 187, рис. 1]. Недалеко от Пятницкого биритуального некрополя недавно были открыты и частично исследованы еще два кремационных могильника – Кицевский и Кочетокский, он же «Бабчанка» (склоны балки Сорокова) [Голубева, 2014, рис. 1. 3. 1–1. 3. 32; Лаптев, Аксьонов, 2012, с. 95–109; Свистун, 2012, с. 79–84; Свистун, Квитковский, 2013, с. 118–121]. К сожалению, эти некрополи долгое время грабились «черными археологами» и, по самым приблизительным подсчетам, с этих могильников в частные коллекции поступило не менее двух десятков сабель, 40–50 наконечников копий, 30–40 топоров-чеканов, десяток очажных цепей, не менее десятка клепаных котлов, несколько десятков стремян, удил и огромное количество других элементов предметов конского снаряжения, фибул, железных ножей и т.п. Таким образом, в юго-западном экстерриториальном районе известно десяток могильников и отдельных погребальных комплексов по обряду трупосожжения (рис. 1, 2).

Анализ материалов известных кремационных погребальных комплексов региона показывает, что носители данного обряда появляются в бассейне Северского Донца в середине VIII в. На это указывает обнаружение в целом ряде кремационных памятников (Тополи, Кицевка, Сухая Гомольша, Красная Горка) элементов поясной гарнитуры (рис. 1), характерных для хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская [Аксёнов, Лаптев, 2014, рис. 5: 15; Колода, 2012, илл. 10: 3-6], а также такого хронологического репера раннесалтовских комплексов, как железные фибулы с завитком на конце [Аксёнов, Лаптев, 2014, рис. 6: 1–4; Комар, 2000, с. 52, рис. 4: 27].

Элементы поясной гарнитуры этого же хронологического горизонта были обнаружены и на вновь открытых кремационных могильниках (рис. 1) – Нижний Бишкин, Сухая Гомольша, «Балка Сухая Гомольша» [Колода, 2012, илл. 10: 3-6; Голубева, 2014, рис. 1.1.17: 5, 6; Окатенко, 2016, рис. 1: 1]. Присутствие в кремационных комплексах региона большого числа предметов конского снаряжения свидетельствует о подвижном образе жизни носителей данного погребального обряда. Первоначально носители кремационного обряда, продвигаясь от Донецко-Оскольского водораздела, по-видимому, освоили земли по левому берегу Северского Донца и его левым притокам. Чуть позднее они перешли на правый берег и начали контролировать переправы и броды через Северский Донец. Так, «кремационный могильник Лысый Горб и биритуальный некрополь Красная Горка расположены рядом с хорошо известными и в более позднее время бродами через Северский Донец на границе степи и лесостепи. Некрополь Сухая Гомольша расположен также недалеко от брода через Северский Донец и рядом с местом впадения в Северский Донец речки Сухая Гомольша, исток которой находился в землях славян» [Бубенок, Аксёнов, 2009, с. 138]. Для контроля переправ по правому берегу Северского Донца в границах юго-западного «экстерриториального» района возник целый ряд городищ, расстояние между которыми по долине реки зачастую составляло всего 5–7 км (рис. 1). В этом контексте интересен факт обнаружения двух комплексов вещей со следами их преднамеренной порчи и пребывания в огне («тайничков») на наиболее раннем участке Верхне-Салтовского некрополя (ВСМ-III) между дромосами катакомб экспедицией под руководством Д. Т. Березовца [Березовец, 1959–1961, с. 5]. Использование при работах на могильнике землеройной техники, с помощью которой срезался верхний слой грунта до обнаружения пятен дромосов [Березовец, 1959–1961, с. 2], позволяет предположить, что синхронные обнаруженным «тайничкам» кремационные погребения были попросту уничтожены. Носители кремационного обряда в районе Верхнего Салтова также оказали в непосредственной близости от существовавшего здесь брода через р. Северский Донец.

В дальнейшем хозяйственное освоение региона и демографический рост привели к заселению бассейнов малых рек – притоков рек Северского Донца и Оскола. Носители кремационного обряда проникали по р. Удам (до с. Терновая), по р. Мже (до г. Мерефы),

в верхнее течение р. Береки – до слияния с р. Кисели [Аксёнов, Лаптев, 2014, с. 35, рис. 3].

На кремационных могильниках региона встречены элементы поясной гарнитуры (рис. 2), которые характерны для древностей II, III и IV хронологических горизонтов салтовских древностей [Комар, 1999, с. 130, табл. 4]. Таким образом, носители кремационного обряда в бассейне Северского Донца проживали на всем протяжении IX в. Это подтверждается нумизматическими находками, сделанными на салтовских кремационных могильниках. Так, арабские монеты¹, превращенные в подвески, были найдены в погребениях вновь открытых могильников «Балка Сухая Гомольша», «Яр Плоский», «Бабчанка» [Голубев, 2017, рис. 2: 18; 4: 4; Голубева, 2014, с. 10, 11, 13]. На сегодняшний день с кремационных могильников у с. Кицевка, Нижний Бишкин, Пятницкое и прилегающих к ним территорий в фонды Харьковского исторического музея им. Н. Ф. Сумцова поступило 9 монет и их фракций². Монеты с Кицевского могильника (имитация полдинара, Омеяды, Язид II, 721 г. н.э. и плакированный солид Льва III Исавра (717–741 г. н.э.) имеют следы пребывания в огне, что однозначно относит их к погребальному инвентарю салтовских кремационных захоронений. Материалы, относящиеся к началу – середине X в., на кремационных памятниках региона пока не найдены.

Несмотря на постепенное расширение источниковой базы, этническая атрибуция салтовских кремационных захоронений остается значительной проблемой. В настоящее время существует пять основных гипотез этнической принадлежности салтовских кремационных захоронений в бассейне Северского Донца: славянская, тюркская, иранская, угорская и адыгская. Историографические очерки А. К. Дегтяря и Г. С. Богуславского, в которых детально рассматри-

¹ В погребении могильника «Балка Сухая Гомольша» найден динар (Аббасиды, ас-Сафа, 753–754 г. н.э.), в погребении могильника «Яр Плоский» – дирхем (Кариджиты, монетный двор Тудге, имя Муса, 795–796 г. н.э.), в комплекса могильника «Бабчанка» – половинки двух дирхемов (Аббасиды, Гарун ар-Рашид, мадинат ас-Салам, 797 г. н.э., Аббасиды, аль-Махди, Ифрикия, 780–785 г.н.э.).

² Монетные находки представлены: половинкой имитации Ифрикийского дирхема, чеканенного не ранее 769 г. н.э.; половинкой дирхема ал-Мансура (754–775 г. н.э.); половинкой дирхема Гаруна аль-Рашида с именем Джафара (793–804 г. н.э.); половинкой дирхема ал-Мансура 771/772 г. н.э.; драхмой царя Азаквара (Хорезм) второй половины – конца VIII в.; имитацией аббасидского дирхема монетного двора г. Рамли чеканки после 786/787 г. н.э.; дирхемом Гаруда ар-Рашида (мадинат Зариндж 806/807 г. н.э.).

вается историография проблемы и приводятся аргументы в пользу той или иной точки зрения [Дегтярь, 1981, с. 75–83; Богуславский, 2001, с. 52–57], позволяют опустить освещение этого вопроса в данной работе. В настоящее время наиболее обоснованной выглядит адыгско-абхазская версия, впервые предложенная Г. Е. Афанасьевым [Афанасьев, 2001, с. 53] и – почти одновременно – А. В. Пьянковым [Пьянков, 2001, с. 205]. Исследования показали, что по инвентарю и погребальному обряду салтовским кремациям Верхнего Подонцовья наиболее близкими являются трупосожжения Кубано-Черноморского района: типа последних хронологических групп могильников Борисовского и Дюрсо [Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 195–198, табл. 78; Дмитриев, 2003, с. 203–205, табл. 87–92]. Исходя из схожести кремационных погребений этих двух регионов, Г. Е. Афанасьев предложил искать истоки салтовского кремационного обряда в адыго-абхазской среде. В работах А. В. Пьянкова кремационные захоронения Кубано-Черноморского района VIII–IX вв. (следовательно, и салтовские кремации Подонцовья) отождествляются с пришлым населением – касогами [Пьянков, 2001, с. 205].

В недавнем своем диссертационном исследовании П. С. Успенский, рассмотрев кремации Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв., однозначно связывает их с племенами зихско-касожского круга, которые, по данным нарративных источников, локализовались в Закубанье [Успенский, 2015, с. 278]. Исследователь ссылается на тот факт, что погребения, совершенные по обряду трупосожжения VIII–IX вв., выявлены не только во вновь образованных могильниках, но и в некрополях с ингумациями, основанных местным населением в предшествующее время (кремации в могильниках Борисово, Дюрсо, Псекупский и др.) [Успенский, 2015, с. 278]. Это, по мнению П. С. Успенского, «свидетельствует не столько о появлении нового населения, сколько о распространении иного мировоззренческого импульса в среде местного населения, выразившегося в восприятии новой погребальной практики» [Успенский, 2015, с. 278]. Представляется, что данное положение выглядит несколько голословным, ибо П. С. Успенский не уточняет с какими именно событиями VIII в. на Северо-Западном Кавказе связано появление этого «иногo мировоззренческого импульса», и с какой территории он исходил. При этом недостаточная разработанность внутренней хронологии кремационных памятников Северо-Западного Кавказа VIII–IX вв. ставит под сомнение вероятность единовременного существ-

ования в данном регионе 47 могильников с трупосожжениями хазарского культурно-исторического периода. При этом они дифференцированы на три территориальные группы, отличающиеся между собой разным процентным соотношением разных типов кремационных захоронений (в ямах, в каменных ящиках, в урнах) [Успенский, 2015, с. 128–142]. Нельзя исключать, что некоторые различия в погребальном обряде в захоронениях на могильниках разных территориальных групп обусловлены хронологическим фактором. Это тем более вероятно, так как П. С. Успенским были зафиксированы изменения в способе погребений кремированных останков в следующий хронологический период (X–XII вв.), а именно: исчезновение погребений в каменных ящиках, увеличение числа погребений в урнах и почти полное исчезновение безурновых (ямных) кремаций [Успенский, 2015, с. 155–156]. Тенденция уменьшения со временем (от VIII–IX к X–XII вв.) ямных кремаций на могильниках Северо-Западного Кавказа должна каким-то образом объяснять тот факт, что на могильниках 2-й территориальной группы, концентрирующейся в степной зоне западного Закубанья, безурновые кремации составляют 100% от общего количества захоронений [Успенский, 2015, с. 138]. И только в погребениях этой группы представлены элементы поясной гарнитуры, характерные для хронологического горизонта Столбище–Старокорсунская (740–790 гг.) – Молдовановский могильник [Тарабанов, 1992, рис. 3: 5, 8; Пьянков, Тарабанов, 2004, рис. 5: 3, 7, 10–14; рис. 7: 16–19] и широко представленные в «подкурганых погребениях с ровиками» [Иванов, 2001, рис. 3, 4]. В двух других территориальных группах могильников с сожжениями, где процент безурновых кремаций ниже – 70,7% (Причерноморская группа – Борисово, Дюрсо) и 56,6% (северо-восточная часть западного Закубанья) [Успенский, 2015, с. 138], детали поясной гарнитуры раннесалтовского времени (740–790 гг.) в кремационных захоронениях совсем не представлены или происходят из погребений по обряду трупоположения (Казазово) [Тарабанов, 1983, с. 153, рис. 1: 23–31]. Этот факт позволяет предположить, что носители «иногo мировоззренческого импульса» П. С. Успенского появились первоначально в степных районах западного Закубанья (2-я и 3-я территориальные группы кремационных некрополей), откуда они уже спустя какое-то время пришли в Причерноморскую область Северо-Западного Кавказа (1-я территориальная группа). В этом случае первоначальными носителями

кремационного обряда хазарского культурно-исторического периода для Северо-Западного Кавказа, как это предполагает О. Б. Бубенок, были представители кочевого населения (этноним **касоги** или **кас-**), очевидно тюркского происхождения, внедренные хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата [Бубенок, 2014, с. 61]. Появления этого нового в районах западного Зукабанья кочевого населения, вероятно, произошло вскоре после разгрома хазарами Великой Болгарии Кубрата (последняя четверть VII – начало VIII в.). Смешавшись с местным адыгским населением, со временем, по-видимому, имя пришельцев **касоги** распространилось на подвластное им местное адыгское население, с которым следует связывать ингумационные захоронения в каменных ящиках [Бубенок, 2014, с. 61]. Под влиянием пришельцев адыгское население начинает кремировать своих покойников, что подтверждают кремации в каменных ящиках [Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 196], представленные только на Борисовском могильнике [Успенский, 2015, с. 135].

Именно это смешанное (тюрко-адыгское) население Северо-Западного Кавказа и было переселено в 40-х гг.х VIII века в бассейн Северского Донца. В одной из своих работ с подобной атрибуцией салтовских кремаций Подонцовья согласился и В. К. Михеев [Михеев, 2004, с. 88–89]. Однако разнотипность кремационных захоронения (ямные, урновые), использование сосудов-приставок, присутствие «тайничков» на памятниках Верхнего Подонцовья указывает на разноэтничность носителей кремационного обряда в регионе. При этом кремации с оружием и конским снаряжением, сопровождаемые «тайничками», скорее всего, связаны с какой-то группой тюркского (хазарского) населения [Аксёнов, Михеев, 2006, с. 184; Бубенок, Аксёнов, 2009, с. 138]. Другие кремации могли быть оставлены представителями славянского, угорского и адыго-абхазского этносов, оказавшихся вместе с хазарскими тюркютами в бассейне р. Северского Донца [Аксёнов, Михеев, 2006, с. 182–183; Бубенок, Аксёнов, 2009, с. 138–139].

При этом, как справедливо заметил В. К. Михеев, «количество признаков погребального обряда может зависеть от степени исследованности памятника: чем он полнее раскопан, тем больше качественных признаков в нем присутствуют...» [Михеев, 2004, с. 76]. На сегодняшний день в Подонцовье известны некрополи, на которых открыты пока только безурновые кремации (Новая Покровка,

Лысый Горб, Кицевка, Кочеток, «Балка Сухая Гомольша», «Яр Плоский»), а также и могильники с ямными и с урновыми кремациями (Сухая Гомольша, сожжения Красной Горки). При этом безурновые кремации имеют достаточно широкий видовой спектр (в ямах разных форм, размеров, разной ориентировки, с компактным и рассеянным помещением кремированных останков и др.). Кроме того, на Кочетокском могильнике были открыты безурновые кремации, совершенные в ямах, по размерам и глубине не отличающихся от могильных ям ингумационных захоронений [Свистун, Квитковский, 2013, с. 118–121, илл. 4, 6]. Еще одно подобное кремационное захоронение было исследовано экспедицией под руководством В. В. Колоды недалеко от с. Мохнач (комплекс 1 из раскопа 2 на селище Мохнач-У). Захоронение было произведено в прямоугольной в плане яме с закругленными краями и размером 2,4 × 0,7 м, ориентированной длинными сторонами вдоль линии северо-запад – юго-восток. В юго-восточном конце ямы была выявлена линза древесного угля. Здесь же стоял салтовский кувшин с двумя прислоненными к нему железными серпами. В северо-западном конце ямы были обнаружены: бронебойный наконечник копья, топор, два ножа, две костяные накладки от лука, кресало [Колода, 2017, с. 36–37, рис. 46–50]. Захоронения в близких по размеру могильных ямах были открыты на Новотроицком городище [Приймак, 1998, рис. 2]. В. В. Приймак склонен связывать захоронения на Новотроицком городище с представителями финно-угорского мира [Приймак, 1998, с. 96], и датировать их появление временем после 30-х гг. IX в., когда в южнорусских степях пребывали угры-мадьяры [Приймак, 1998, с. 97–98]. К сожалению, отсутствие в захоронениях Кочетокского могильника и погребении у с. Мохнач узко датированных вещей, не позволяет определить время их возникновения точнее, чем время существования салтово-маяцкой культуры. Однако обнаружение этих захоронений в сочетании с уже известными видами салтовских кремаций бассейна Северского Донца свидетельствуют о достаточно сложной этнической ситуации в регионе.

На сегодня, учитывая весь комплекс узко датированных погребальных материалов, обнаруженных в салтовских кремациях Подонцовья, можно предложить, что на начальном этапе освоения региона (740–790 гг. н.э.) носителями кремационного обряда были оставлены преимущественно ямные захоронения, сопровождаемые вещевыми комплексами, содержавшими широкий набор вооруже-

ния, конское снаряжение, приспособления для приготовления пищи в походных условиях (котлы, надочажные цепи, шампуры, вилки для доставания мяса из котла). Со временем под влиянием местного земледельческого населения и с усилением процессов седентаризации количество захоронений с кремированными человеческими останками, помещенными в урну, увеличивается. Постепенно происходит и переход от кремации к погребениям по обряду труположения. Свидетельством этому является биритуальный могильник Красная Горка, который функционировал с конца VIII в. до третьей четверти IX в. На могильнике Красная Горка обнаружено достаточное число случаев, когда одни погребения были впущены в заполнения могильных ям других захоронений без разрушения последних. При этом чаще всего основное погребение было ингумационным, а впущенное в заполнение его могильной ямы захоронение было совершено по обряду трупосожжения [Аксёнов, 2008, с. 127, 128, табл. 1, 2]. Находившиеся в одной могильной яме разнообрядовые захоронения (основное и дополнительное) могли быть как одновременными, так и совершенными спустя какое-то время [Аксёнов, 2008, с. 125]. Это однозначно указывает на осведомленность людей, проводивших обряд о присутствии здесь уже существующего погребального комплекса. Такие погребальные комплексы, содержавшие основное и дополнительное захоронения, обоснованно считать захоронениями близких родственников. Разница в способе обращения с телом умершего родственника, вероятно, связана с полукочевым образом жизни населения, оставившего данный могильник. Так, тела людей, умерших по время зимовки, хоронили по обряду труположения на кладбище, расположенном рядом с зимником. Тела же их родственников, умерших во время военного похода или в процессе выпаса скота в период с ранней весны по позднюю осень, вдали от зимника, подвергались сожжению и уже в таком виде доставлялись на родовое кладбище [Аксёнов, 2008, с. 135–136]. Практика, когда умерших вдали от дома людей везли за многие сотни километров, чтобы похоронить на родовом кладбище, хорошо известна многим народам мира [Хазанов, 1975, с. 60]. Иной способ обращения с телом человека, умершего вдали от дома, возможно, объясняется тем фактом, что во многих традиционных обществах человек, находящийся в пути (в походе, в процессе выпаса скота и т. п.), рассматривался как существо вне обычного статуса, так как он пребывал в «ином мире»,

а следовательно, по отношению к оставшимся на зимнике родственниками он занимал положение, приближенное к положению предков [Традиционное мировоззрение тюрков, 1988, с. 76, 77]. И уже вследствие этого возвращение тела умершего человека со следами видимого разложения вряд ли было допустимо без боязни, что это приведет к новым смертям среди живых родственников. Необходимо было дать возможность покойнику уйти в иной мир своей дорогой и предотвратить возможность возвращения назад к живым родственникам. Этим и объясняется разнообразие в способах погребения умерших людей, зафиксированное на могильнике Красная Горка [Аксёнов, 2008, с. 136].

Кроме того, на позднем участке могильника была обнаружена компактная группа кремационных захоронений, состоящая из пяти погребений, к которым с севера и северо-востока примыкало четыре погребения по обряду труположения (погр. № 297, 298, 309, 310). Одно кремационное захоронение было ямным (№ 296), примыкающие к нему с северо-востока кремации – урновые. В двух захоронениях урны стояли вверх дном (погр. № 295, 299), в двух – урны стояли устьем вверх (погр. № 294, 307). В эту группу входило захоронение, пережженные человеческие кости в котором находились в гончарном горшке волынцевского типа, перевернутом вверх дном (погр. № 299), а в одном ингумационном погребении (№ 297) был найден крымский кувшинчик со следами длительного использования [Михеев, 1995, табл. I, с. 3–5, 8, 9]. Данная группа захоронений представляет заключительный этап существования могильника и датируется серединой – третьей четвертью IX в.

Кремации Подонцовья, которые можно было бы датировать концом IX – началом X в., пока не известны³. Поэтому, можно предположить, что в конце IX века часть носителей кремационного обряда из бассейна Северского Донца возвращается в исходные районы своего проживания – в Закубанье. Косвенным подтверждением этого можно считать присутствие в кремационных погребениях Кубано-Черноморского района коньковых шумящих подвесок [Дмитриев,

³ Два вещевых комплексы X–XII вв., содержавшие косы, серпы, кинжал, стрелы, фрагмент сабли, ручку котла, случайно выявленные поисковиками погибших воинов Великой Отечественной войны в Теплинском лесу возле с. Татьянавка (Славянский район Донецкой области), без дополнительных исследований пока нельзя связывать с вещевым комплексом салтовского времени, обнаруженным в этом же лесу [Голубева, Голубев, 2016, с. 18, рис. 98–116].

2003, табл. 88: 42–44; Тарабанов, 1992, рис. 3: 9, 11; Пьянков, Тарабанов, 1998, с. 23, рис. 5: 3–6], исходным районом которых является Прикамье [Голубева, 1966, с. 86]. Коньковые шумящие подвески, найденные и в кремациях Кубано-Черноморского района, и в погребениях бассейна Северского Донца, относятся к одному виду (второй вариант первого типа по классификации Л. К. Голубевой). Время их бытования в памятниках Верхнего Прикамья определяется концом VIII – началом IX в. [Голубева, 1966, с. 87, 89, рис. 7: 4]. Данные подвески, как отмечает П. С. Успенский, не характерны для памятников Кубано-Черноморского района предхазарского культурно-исторического периода, и они не могут, по его мнению, маркировать новый для региона этнос [Успенский, 2015, с. 266]. Отмечу, что, будучи важным элементом костюма, выполняя социальные, биологические, сакральные, эстетические и другие функции [Яценко, 2006, с. 5, 6], данные коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена. Подобные вещи в традиционных обществах всегда производились мастерами для конкретных заказчиков согласно существующей моде. Поэтому попасть за пределы ареала конкретной этнической группы они могли только с представителями этой группы населения [Мастыкова, 2008, с. 26] или через представителей другой этнической группы, которым, однако, эти предметы оказались идеологически, культурно, сакрально понятны и близки. Таким населением для Кубано-Черноморского региона хазарского времени могли быть только носители кремационного обряда из бассейна Северского Донца.

Возможно, салтовцами в Закубанье была привнесена такая разновидность кремации, когда погребальная урна сопровождалась захоронением коня. Такое захоронение было открыто на могильнике Красная Горка (погр. № 216/к-19). Остатки кремации были помещены в урну, в качестве которой выступал салтовский двуручный горшок-ваза. Часть инвентаря находилась внутри урны, часть располагалась рядом с ней, здесь же лежали стремена, начальник, подпружная пряжка. В двух метрах к западу от урны находился костяк коня, обращенный резцовой частью в сторону урны. При костяке коня лежала остальная часть конского снаряжения – удила, украшения ремней уздечки, сбруйное кольцо [Аксёнов, Михеев, 2009, с. 387, 389, рис. 1]. Всего одно такое захоронение (урна сопровождалась захоронением лошади – № 27 и № 30) было обнаружено на могильнике 8-я Щель (первая территориальная группа

кремаций VIII–IX вв. Северо-Западного Кавказа) [Успенский, 2015, с. 137; Кононенко, 1994, с. 7]. Зато количество таких кремационных захоронений в Кубано-Черноморском регионе резко увеличивается в следующий хронологически период (X–XII вв.). Такие погребения обнаружены на могильнике Ленинохабль, Черноклан, у поселка Абрау-Дюрсо, Южноозереевского некрополя, Андреевская Щель [Успенский, 2015, с. 154, рис. 71]. При этом урна с прахом располагается в одной яме вместе с костяком лошади, у ее морды или в районе задних конечностей [Успенский, 2015, с. 154, рис. 71: 1, 2]. Урной в этот хронологический период служат все чаще большие двуручные корчаги [Успенский, 2015, с. 155, рис. 71], которые внешне напоминают салтовские двуручные горшки-вазы [Аксёнов, Михеев, 2009, рис. 1: 3]. В следующий хронологический период – XII–XIII вв. – количество таких захоронений на памятниках Северо-Западного Кавказа еще больше увеличивается, но теперь погребения совершаются под курганами [Успенский, 2015, с. 189]. При этом прослеживается тенденция к уменьшению расстояния между захоронением человека и погребением коня – 2 м в Красной Горке, 1 м – на могильнике 8-я Щель, рядом с мордой коня – в захоронениях X–XII вв. Северо-Западного Кавказа. Прототипом таких кремационных захоронений с конем на памятниках бассейна Северского Донца, по-видимому, следует считать ингумационные захоронения могильника Красная Горка, в которых конь располагается в ногах человека и обращен черепом к его ногам (тип I, вариант 1) и захоронения, в которых погребение коня находится в отдельной яме в 2 м от ног хозяина (погр. № 144, 145 – конь № 1, 14, соответственно) [Аксёнов, Крыганов, Михеев, 1996, с. 117, 121, рис. 1: 1; 2: 1, 2].

Обнаружение на салтовских кремационных памятниках бассейна Северского Донца большого количества предметов вооружения (сабель, наконечников копий, топоров-чеканов, кистеней) в комплекте с конским снаряжением указывает, что оставившее их население наиболее подходит на роль контингента, несущего в регионе службу мобильно-строевого характера в интересах правящей верхушки Хазарского каганата. По-видимому, именно представители этнической группы, практиковавшей сожжение покойников, составляли основу салтовской легкой кавалерии, тогда как аланское население, судя по предметам вооружения, присутствующим в катакомбных захоронениях [Крыганов, 1993, с. 52–62],

являлось пешим войском, задачей которого было поддерживать своих союзников в боевых операциях и обеспечивать обороноспособность крепостей в регионе. При этом выходцы из воинской среды всех этносов, находящиеся на службе у верхушки Каганата, могли также быть проводниками и охранниками купцов, идущих к соседним народам, или же собирать дань в пользу хазар с местного населения и покоренных славянских племен [Красильникова, Красильников, 2015, с. 328].

В целом надо отметить, что при общей схожести кремационных захоронений салтовского времени бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа между ними существовали некоторые различия. Так, типологически кремации Подонцовья более многообразны, чем одновременные им захоронения Кубано-Черноморского района, что, по-видимому, обусловлено более сложной этнической ситуацией, сложившейся в регионе в хазарский культурно-исторический период. Появление салтовских кремаций в бассейне Северского Донца связано с миграцией сюда населения с территории Северо-Западного Кавказа (Кубано-Черноморский регион с кремационными могильниками типа Дюрсо). Пришедшее в Подонцовье в 30–40 гг. VIII в. население, кремировавшее своих покойников, было смешанным (тюркско-адыгским). Сосуществование на протяжении второй половины VIII и IX в. в бассейне Северского Донца данной группы переселенцев с представителями других групп местного и пришлого населения, применявших обряд кремации покойников (поздние пеньковцы, угры и др.), привело к появлению новых черт в погребальном обряде и, следовательно, к разнообразию кремационных захоронений региона (ямы разной формы и ориентации их по сторонам света, очищение или неочищение остатков кремации от следов погребального костра, помещение остатков кремации в урну или, наоборот, установка урны с прахом на дно сосуда или дном вверх и т.п.). Здесь же вырабатывается новый вид кремаций, когда урна с прахом сопровождается целым костяком коня, расположенным на некотором удалении от человеческих останков (могильник Красная Горка). С уходом населения, применявшего обряд кремации, из бассейна Северского Донца в конце IX в. назад – на Северо-Западный Кавказ – данная разновидность захоронения с конем появляется и в Кубано-Черноморском районе, где она получает дальнейшее развитие, о чем свидетельствуют материалы адыгских могильников X–XIII вв.

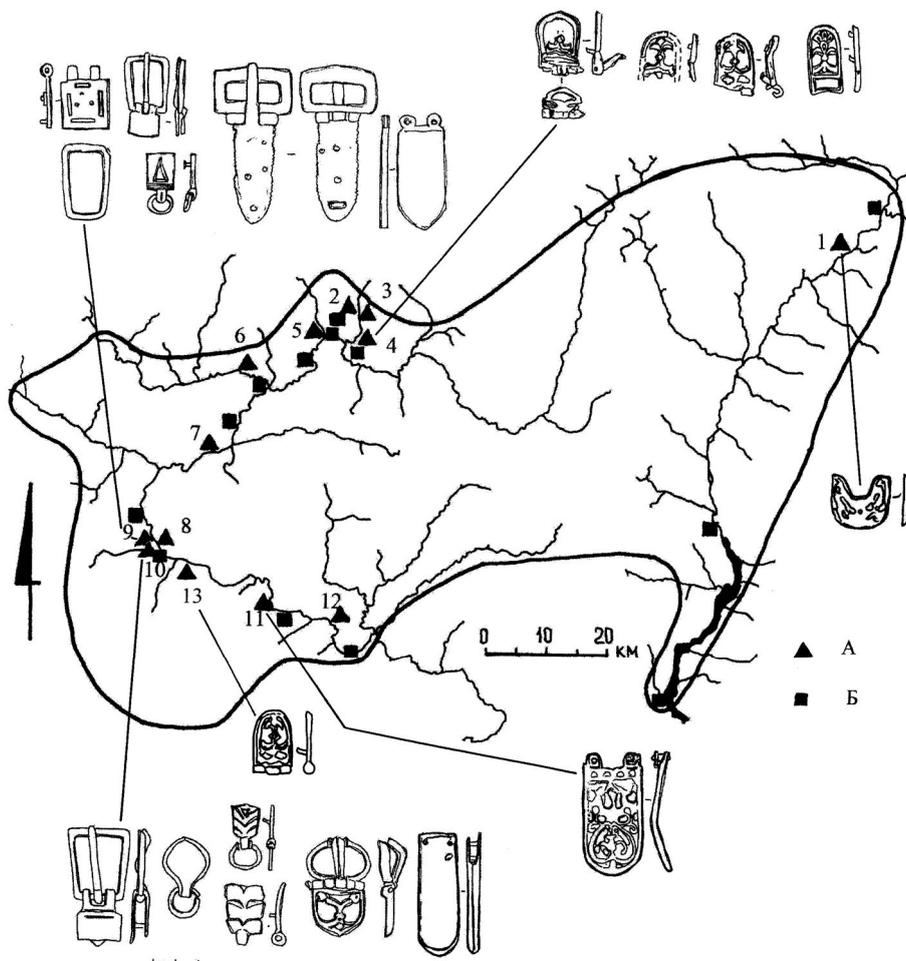

Рис. 1.

Кремационные могильники юго-западного района лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и обнаруженные на них элементы поясной гарнитуры хронологического горизонта Столбиче-Старокорсунская (740–790 гг.):

А – могильники и отдельные комплексы с кремационным обрядом погребения, Б – салтово-маяцкие городища. 1 – Тополы; 2 – Кочетокский могильник (на склонах оврага Сороков); 3 – Пятницкий могильник; 4 – Кицевский могильник; 5 – Кочеток; 6 – Новая Покровка; 7 – Мохнач; 8 – могильник «Яр Плоский»; 9 – могильник «Балка Сухая Гомольша»; 10 – Сухогомольшаенский могильник; 11 – могильник Красная Горка; 12 – могильник Лысый Горб; 13 – могильник Нижний Бишкин.

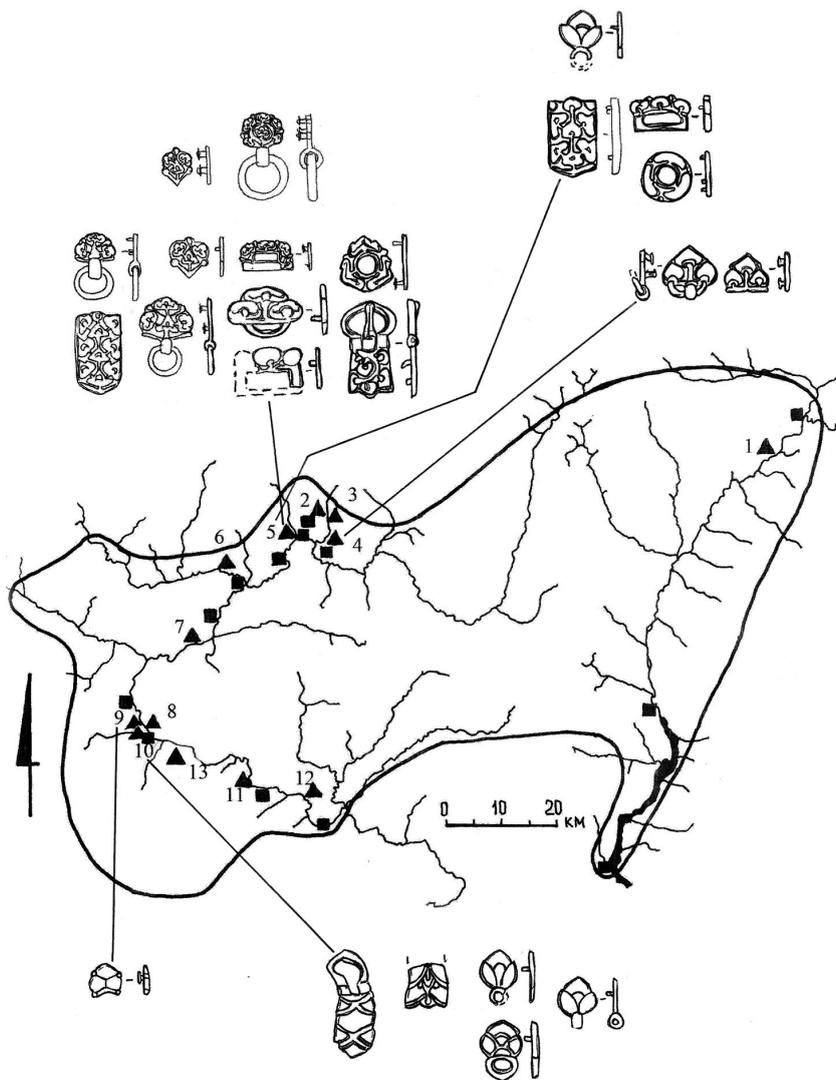

Рис. 2.

Кремационные могильники юго-западного района лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры и обнаруженные на них элементы поясной гарнитуры II, III и IV хронологических горизонтов салтовских древностей (рубеж VIII–IX – конец IX в.):

1 – Тополи; 2 – Кочетокский могильник («Бабчанка»); 3 – Пятницкий могильник; 4 – Кицевский могильник; 5 – Кочеток; 6 – Новая Покровка; 7 – Мохнач; 8 – могильник «Яр Плоский»; 9 – могильник «Балка Сухая Гомольша»; 10 – Сухогомольшаенский могильник; 11 – могильник Красная Горка; 12 – могильник Лысый Горб; 13 – могильник Нижний Бишкин.

Литература

- Аксёнов В. С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005.
- Аксёнов В. С. Об одном из вариантов погребального обряда праболгарского населения салтовской культуры верхнего Подонцовья (по материалам биритуального могильника Красная Горка) // Дриновский сборник. Т. II. Харьков–София, 2008.
- Аксёнов В. С., Воловик С. И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. 1999. № 3–4.
- Аксёнов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К., 1996.
- Аксёнов В. С., Лаптев А. А. Освоение населением Хазарского каганата лесостепного Подонцовья: взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. Донецк, 2014.
- Аксёнов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // Хазарский альманах. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.
- Аксёнов В. С., Михеев В. К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. М., 1993.
- Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
- Березовец Д. Т. Отчет о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района Харьковской обл. в 1959–1961/66 // Архив Института археологии НАН Украины. Ф.е. 3984а.
- Богуславский Г. С. До питання про етнічну приналежність поховань за обрядом кремації салтово-маяцької культури // Археологія. 2001. № 2.
- Бубенок О. Б. Касоги на юго-западной границе Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 12. Киев–Харьков, 2014.
- Бубенок О. Б., Аксёнов В. С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время // Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.
- Гавритухин И. О., Пьянков О. В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.
- Голубев А. М. Два новых салтово-маяцких кремаційних могильника навколо с. Суха Гомільша на Харківщині // Археологія. 2017. № 1.

- Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. № 3.
- Голебева І. В., Голубев А. М. Звіт про наукові археологічні розвідки у Слов'янському районі Донецької області у 2015 р. Харків, 2016 // Архів Харківського історического музею імени Н. Ф. Сумцова.
- Голубева І. В., Окатенко В. М., Варачова К. Г., Квітковський В. І., Колода В. В., Резніченко І. О., Свистун Г. Є., Філатов Д. О. Звіт про археологічні експертизи в Харківській області та в м. Харкові в 2013 р. Харків, 2014 // Архів ХИМ імени Н. Ф. Сумцова.
- Дегтярь А. К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье // Вестник ХГУ. 1981. № 214.
- Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. 1984. № 2.
- Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.
- Иванов А. А. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.
- Колода В. В. Еще одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // СМАК. Вип. 2. Харків, 2012.
- Колода В. В. Отчет о работе на городище Мохнач и селище Мохнач-У Змиевского района Харьковской обл. в 2016 г. Харьков, 2017 // Архів Археологічної лабораторії Харківського національного університета ім. Г. С. Сковороди. № 37/2016.
- Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita antique. 1999. № 2.
- Комар А. В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры // Finno-Ugrica. 2000. № 1.
- Кононенко А. П. Отчет о работе Черноморского археологического центра в 1994 г. // Архів Інститута археології РАН. Ф. 1. Р. 1. № 18813.
- Красильникова Л. И., Красильников К. И. Служебный образ болгар в Хазарском каганате (к продолжению темы) // Плиска–Преслав. Т. 11. София, 2015.
- Криганов А. В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. 1993. 2.
- Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. 1951. Т. XLI.
- Кухаренко Ю. В. Новопокровський могильник і поселення // Археологія. 1952. Т. 6.
- Лаптєв О. О., Аксьонов В. С. Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині // Археологія. 2012. № 4.
- Мастыкова А. В. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. 2008. № 1.

- Михеев В. К.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3.
- Михеев В. К.* Погребальный обряд Красногорского могильника салтовомаяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Михеев В. К.* Отчет о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1994 годы. Харьков, 1995 // Архив ХИМ имени Н. Ф. Сумцова.
- Михеев В. К.* Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, 2004.
- Окатынко В. М., Голубев А. М., Голубева І. В.* Наукові експертизи і розвідки у м. Харкові та Харківській області // Археологічні дослідження в Україні 2015. К., 2016.
- Плетнёва С. А.* Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2.
- Приймак В. В.* Ямні поховання городища Новотроїцького // Археологія. 1998. № 2.
- Пьянков А. В.* Касоги–касахи–кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар, 1998.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (раскопки 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004.
- Свистун Г. Е.* Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // СМАК. Вип. 2. Харків, 2012.
- Свистун Г. Е., Квитковский В. И.* Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике // СМАК. Вип. 3. Харків, 2013.
- Тарабанов В. А.* Средневековый могильник у села Казазово // Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983.
- Тарабанов В. А.* Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992.
- Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М. и др.* Новосибирск, 1988.
- Успенский П. С.* Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Дис. канд. ист. наук. Рукопись. М., 2015.
- Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975.

Шрамко Б.А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

Список сокращений

АОН – Археологические открытия на новостройках

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

СА – Советская археология

СМАК – Салтово-маяцка археологічна культура

РА – Российская археология

ХГУ – Харьковский государственный университет

ХИМ – Харьковский исторический музей

В. С. Аксёнов

К вопросу о единстве носителей кремационного обряда салтовского времени Подонцовья и Северо-Западного Кавказа

Резюме

Работа посвящена проблеме этнического родства населения, оставившего отдельные погребальные комплексы и могильники в бассейне Северского Донца и в Кубано-Черноморском регионе в хазарский культурно-исторический период. Предполагается, что появление в бассейне Северского Донца салтовских кремаций связано с появлением здесь групп кочевого населения – выходцев из Кубано-Черноморского региона, которые состояли из представителей тюркского этноса (*касогов*, или *кас-*) и адыгов. Пребывание в Подонцовье этой группы населения вместе с другими местными и пришлыми племенными группами, также применявшими обряд кремации своих покойников, привело к увеличению разнообразия типов кремационных захоронений салтовского времени в регионе. Эти новые виды захоронений были привнесены в конце IX века переселенцами из Подонцовья на Северо-Западный Кавказ, где они получили свое дальнейшее развитие, что нашло отражение в погребальных памятниках адыгского населения X–XIII веков.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Подонцовье, Хазарский каганат, кремационные захоронения, касоги, адыги.

V. S. Aksyonov

**About the question of the unity of the bearers
of the cremation ritual of the Saltov period
in Podontsovye and the North-Western Caucasus**

Summary

This research is dedicated to the problem of ethnic kinship of the population, who left separate burial complexes and burial grounds in the Severskyi Donets basin and in the Kuban-Black Sea region during the Khazar cultural and historical period. It is assumed that the appearance of Saltov cremations in the Severskyi Donets basin is associated with the appearance of nomadic population groups from the Kuban-Black Sea region, who consisted of representatives of the Turkic ethnos (*kasogs* or *kas-*) and Adyghs. Staying of this group of people in the Podontsov region, along with other local and alien tribal groups, who also had the cremation ritual of their dead people, led to an increase of the variety of types of cremation burials of the Saltov time in the region. These new types of burials were brought in the late 9th century AD by the settlers from Podontsovye to the North-Western Caucasus, where they were further developed, which fact was reflected in funerary monuments of the Adyghian population of the 10th –13th AD.

Keywords: Saltovo-Mayak culture, Podontsovye, Khazar kaganate, cremation burials, Kasogs, Adyghs.